

Сердце второго молодого господина Пэя успокоилось, он бросил взгляд и уже не придавал особого значения Линну и компании — не стоили они беспокойства. Просто сейчас присутствовали профессора, и продолжать в том же духе было неудобно.

Что касается молодого господина Пэя, которого сдерживал второй молодой господин Пэй, то хотя выражение его лица было не самым радужным, под присмотром профессоров и старшего брата он благоразумно не стал много говорить.

Перед самым уходом второй молодой господин Пэй в раздумьях взвесил всё и не забыл добавить:

— Два профессора сегодня были потревожены нами, позвольте мне оплатить сегодняшние покупки...

Юпэйань махнула рукой:

— Не нужно...

Изначальная перепалка была полностью прервана.

Стоявший рядом Линн, естественно, уже давно пребывал в безделье, однако в руке он всё ещё сжимал свой трофей — «одного благородного попугая».

Забытая всеми жертва: распутный мужчина залился слезами, Линн сжал ему клюв, и тот не мог издать ни звука.

Зелёный распутник-птица, после того как Линн сжал ему клюв, принялся душить за шею, дрыгал лапками, оставалось только расправить крылья и начать биться.

Линн, изучавший породу благородных попугаев, с интересом погладил его перья.

Весь дрожащий, словно опозоренный, распутник, подобный целомудренной добродетельной женщине, подвергшейся домогательствам, под лапой Линна терпел поглаживания перьев... нет, теперь уже распутник-птица, он был так обижен, что слёзы готовы были хлынуть.

Рядом Хьюз, молча наблюдавший за Линном, слегка нахмурился. Ему внезапно стало как-то не по себе.

Зачем Линн гладит этого попугая? Хьюз подумал с серьёзным видом: птицы и птицы — только партнёры могут гладить перья друг друга! Вдруг Линн погладит несколько раз, и его потом привяжут к себе? Эта птица с виду — непорядочная птица.

Если бы распутник узнал мысли Хьюза, он бы, наверное, снова упал в обморок от злости.

Хьюз резко выхватил зелёную птицу из рук Линна и пересадил её в мусорное ведро.

Линн же не придавал этому значения, продолжая размахивать в руке тем зелёным птичьим пером, заодно помахав профессорам в знак приветствия.

... Хьюзу снова стало не по себе.

Он уставился на чужое птичье перо в руке Линна. У него всегда была небольшая брезгливость.

И вот Хьюз снова начал размышлять: если Линн держит перо другой птицы, вдруг это сочтут за

принятие ухаживаний? Думая так, Хьюз снова украдкой протянул руку, шмыг — и выдернул то зелёное перо из руки Линна.

Переложил перо в мусорное ведро и с удовлетворением «стряхнул пыль».

... А распутник, вернее, птица, только что выбравшаяся из мусорного ведра, увидела действие Хьюза!

Его перо! То перо, медленно падавшее вниз...

Распутник, всё ещё затаивший обиду и размышлявший о мести, внезапно погрузился.

Ведь это его перо!

Он ежедневно тратил столько усилий, чтобы ухаживать за ним, особенно за хвостовыми перьями! Как за частью, которой он особенно гордился! Вырвали одно — и ладно, можно сказать, у того, кто забрал его перо, есть вкус.

Но! Этот мерзавец выхватил его перо из рук того, кого зовут «Линн», и выбросил.

Выбросил.

Распутник, которого Линн избил до лёгкого ошеломления и у которого безымянного развился синдром Стокгольма: ...

Его хрупкое сердце разбилось на мелкие осколки, превратившись в пыль.

Хьюз, естественно, уловил некую сильную и скорбную ментальную волну от этого типа.

Он остался бесстрастным, повернулся и пристально посмотрел, распутник почему-то внезапно почувствовал холод, весь задрожал, сжался и не посмел больше думать.

Тем временем, после того как второй молодой господин Пэй и профессора обменялись любезностями, стоявший рядом молодой господин Пэй всё ещё медлил, не желая уходить, время от времени с неохотой поглядывая на Хьюза.

[Он всё ещё о тебе помнит.]

Линн фыркнул.

Услышав это, Хьюз очнулся и вспомнил, последовал взглядом и посмотрел туда. Среди всех, кто подвергся разгрому, лишь молодой господин Пэй остался невредимым, его прекрасные серебристые волосы всё ещё сияли.

[... Почему ты его не ударил?]

Хьюзу стало немного странно.

Линн не успел заблокировать Хьюза и машинально подумал:

[Потому что он красивый!]

Хотя молодой господин Пэй и раздражал, но его лицо... действительно было очень красивым!

Линну было немного жаль бить его по лицу, кхе-кхе, он этого не признает. Даже если они, птицы, действительно предпочитают внешность, это неизбежная реальная слабость.

Услышав эту мысль, Хьюз вздрогнул всем телом и медленно повернул голову.

Он уставился на молодого господина Пэя, изучающе оглядывая его с ног до головы.

В этот момент всё ещё не желавший сдаваться молодой господин Пэй тоже заметил, что Хьюз на него смотрит. Его сердце ёкнуло, он подумал, не сделать ли последнюю серьёзную попытку пригласить...

Вдруг Хьюз без церемоний оценил его:

— Не такой уж и красивый, слабый, настолько слабый, что и курицу не зарежет, сверхспособности тоже бесполезны. Рост небольшой, телосложение хрупкое и худощавое, истинная форма глупая, летать высоко тоже не может.

Слегка помедлив, Хьюз холодно и категорично заявил:

— Он мне не нравится!

Молодой господин Пэй, раскритикованный с головы до хвоста, остолбенел. Он не понимал, что произошло. И потом, его, его истинная форма — белый павлин, кто посмеет сказать, что он некрасивый! Хотя павлины взлетают довольно неуклюже, но они ценят элегантность!

Ошеломлённые, случайные зрители, наблюдавшие, как молодого господина Пэя отвергли: «...»

Юпэйань: «...»

Инструктор Тао: «...»

Хьюз мысленно добавил ударение:

[Так что ты не должен ему нравиться.]

В этом была его главная мысль!

Линн стоял с раскрытым ртом: ... Я не принимаю эту вину!

Под пристальными взглядами двух профессоров, жаждущих сплетен, молодой господин Пэй, даже если бы позеленел от злости, не мог ничего сказать.

Затем профессор Юпэйань слегка кашлянула, махнула рукой и сказала:

— Раз уж все в порядке, тогда... расходимся.

Сказав это, она сначала многозначительно взглянула на Линна, а затем обвела взглядом окружающих. Люди неохотно заковыляли, всё ещё с любопытством поглядывая на замершего на месте молодого господина Пэя, ожидая, не предпримет ли он что-нибудь.

А Хьюз, взяв Линна за руку, сразу же развернулся и ушёл.

... Линн был немного ошарашен.

Что касается выбранной ими одежды, то её уже оплатили ранее и указали адрес доставки, так что им не нужно было об этом беспокоиться.

Однако по дороге назад Линн скоро заметил неладное. Выражение лица Хьюза становилось всё более странным, он всё время был напряжён. Даже когда Линн пытался завести разговор, Хьюз максимум смотрел на него.

Линн снова попытался мысленно пообщаться, прощупать его мысли, но Хьюз по-прежнему не реагировал.

Это вызвало у Линна множество вопросов.

Вернувшись в общежитие.

Линн всё ещё думал об этом, он по-прежнему не понимал, что творится в голове у Хьюза.

Теперь, войдя в комнату, Хьюз первым делом толкнул дверь спальни, шагнул внутрь и закрыл дверь.

Линн, оставшийся за дверью: «...?»

Линн потер кончик носа. Хотя оклеветанным был он, почему это Хьюз разозлился? Кстати, нужно как-нибудь как следует поблагодарить их профессора.

Размышляя об этом, Линн последовал за Хьюзом и сам открыл дверь спальни.

Толкнув дверь, Линн на мгновение замер: Хьюз вернулся к своей истинной форме — птичьему облику, чёрному-пречёрному.

В этот момент большая чёрная-пречёрная птица стояла прямо, устроившись на насесте. Увидев, как Линн входит, он ещё и «раздулся», взъерошив перья, как надутый птицеобразный чёрный комок угля.

Он зол, — Линн мгновенно уловил язык тела Хьюза.

Затем Хьюз повернулся, направив на него свой хвост из перьев.

Линну стало и смешно, и досадно, но у него даже возникло любопытство, а не злость.

— ... Что случилось? — закрыв за собой дверь спальни, Линн подошёл и спросил.

Хьюз холодными маленькими чёрными глазками молча взглянул на Линна, снова отвернул голову, отказываясь от общения.

«?» — Линн некоторое время просто смотрел, затем, глядя на пушистую маленькую головку Хьюза, почесал кончиком пальца свою щеку, и у него необъяснимо зачесались руки. — ... Ты сердисься?

Почему сердисься?

Услышав это, Хьюз наконец ожил из состояния каменного изваяния, его тёмные глаза искоса посмотрели:

[А как думаешь?]

— Чт-что случилось? — Линн запнулся от такого вопроса, тон был таким, будто он «изменник», отчего у него даже появилось чувство вины.

Под покровом чёрных перьев, естественно, не разглядеть выражение лица Хьюза, его голос звучал подавленно:

[... Тебе нравится тот белый павлин.]

[Ничего подобного.]

Услышав «отговорки» Линна, Хьюз, естественно, не поверил, он ещё больше разозлился и надулся, его маленькие чёрные глазки были полны осуждения: «Я тебя раскусил»!

<http://bllate.org/book/15502/1396046>